

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП (б)

*Кафедра диалектического и
исторического материализма*

*М. А. НАУМОВА
кандидат философских наук*

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
Н. А. ДОБРОЛЮБОВА**

*Лекции, прочитанные
в Высшей партийной школе
при ЦК ВКП(б)*

МОСКВА 1951

Введение

В истории развития освободительного движения и общественной мысли в России среди славной плеяды предшественников русской социал-демократии — Герцена, Белинского, Чернышевского — Николай Александрович Добролюбов занимает выдающееся место как великий мыслитель и страстный борец против самодержавно-крепостнического режима. Ленин писал, что Добролюбов дорог «всей образованной и мыслящей России», дорог как писатель, «страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства»¹. Энгельс ставил историческую и критическую школу «активных революционных социалистов» Чернышевского и Добролюбова выше всего того, что было создано «официальной исторической наукой» в Германии и Франции.

Любовь к Родине, стремление быть полезным ей пронизывают всю деятельность Добролюбова. Он любил русский народ и верил в его силу. Он был твердо убежден, что из народной среды выйдут наиболее надежные борцы с крепостниками. «О, как он любил тебя, народ! — писал Чернышевский о Добролюбове. — До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем он хотел тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша...»².

Весь творческий путь Добролюбова, вся его теоретическая, революционно-критическая деятельность были проникнуты одной целью — помочь русскому народу освободиться от «темного царства» самодуров-крепостников. В области философии, литературы, искусства Добролюбову была чужда абстрактная разработка теоретических вопросов, — он требовал, чтобы теория служила целям изменения жизни, целям ломки крепостнических устоев.

Целью своей жизни он считал борьбу за торжество свободы, равенства и братства, борьбу за счастливое будущее русского народа.

Великие русские мыслители XIX века мучительно искали ответа на вопросы, поставленные перед русской общественной мыслью ходом освободительного движения в России. Наряду с Чернышевским Добролюбов выдвинул и обосновал многие проблемы развития природы и общества, вопросы о формах преобразования обще-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 296.

² Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. I, стр. 7. Госполитиздат. 1945.

ственной жизни в интересах народных масс, об основных принципах развития литературы, искусства, литературной критики. В постановке и решении всех этих вопросов Добролюбов далеко опередил западноевропейскую общественную мысль домарковского периода.

Революционных демократов В. И. Ленин называет предшественниками русской социал-демократии. В книге «Что делать?», являющейся идеологической подготовкой большевистской партии, В. И. Ленин дал классическую характеристику идейных традиций революционных демократов. «...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией,—писал В. И. Ленин.— А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»¹.

Именно революционно-демократическая целеустремленность отличает Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова и ставит их на голову выше всех домарковских философов, социологов, общественных деятелей. В борьбе против народников В. И. Ленин неоднократно отмечал, что марксисты являются хранителями и продолжателями прогрессивного наследия революционных демократов. Но хранить наследство, отмечал Ленин, вовсе не значит остановиться на достигнутом. «...«Ученики»,—говорил Ленин,—хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством...»².

В. И. Ленин неоднократно указывал, что революционные идеи прошлого должны быть восприняты марксистами критически, дополняться новыми данными, новыми теориями на основе изучения и обобщения закономерностей развития капитализма, обобщения опыта революционной борьбы пролетариата. Раскрывая непосредственную связь марксизма-ленинизма с революционными традициями представителей русской общественной мысли XIX века, мы не должны, однако, забывать, что марксизм является качественно новым мировоззрением, мировоззрением самого революционного класса в истории — пролетариата. Ленинизм создавался в новых экономических и политических условиях. Товарищ Сталин указывает, что «ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма»³.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 342.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 494.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 72.

Совершенно иные экономические и политические условия были в период деятельности революционных демократов, когда не существовало политически организованного пролетариата, когда основным вопросом общественно-политической жизни была не пролетарская революция, а свержение самодержавия, уничтожение крепостничества. Это был решающий вопрос для того периода — решающий вопрос жизни страны, жизни народа.

Революционные демократы Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, пламенные патриоты, борцы за свободную, независимую Россию, борцы за раскрепощение народных масс, сыграли огромную роль в подготовке условий победы над самодержавно-крепостническим строем в России. В этом состоит их заслуга в истории освободительного движения как предшественников социал-демократии.

Революционные демократы никогда не были слепыми подражателями и учениками западноевропейской общественной мысли. Их прогрессивные теории создавались в условиях русской действительности, в борьбе против царизма, крепостничества и мракобесия.

Господствующие классы царской России, зараженные духом раболепия перед Западом, в течение многих десятилетий фальсифицировали историю русской культуры. «Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России,—говорил Г. М. Маленков в докладе на Информационном совещании компартий в 1947 году,—не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости. Отсюда проистекало неправильное представление о том, что русские всегда-де должны играть роль «учеников» у западноевропейских «учителей». Реакционные историки русской общественной мысли всячески фальсифицировали творчество революционных демократов XIX века, принижали их передовые теории, считали, что они ничего не дали нового в области философии, эстетики, литературной критики, а полностью заимствовали свои идеи у западноевропейских мыслителей.

Работы Плеханова о творчестве Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова имели положительное значение для своего времени, однако в силу своих меньшевистских позиций Плеханов не мог правильно, подлинно научно оценить классовую основу мировоззрения великих революционных демократов. В его истолковании мировоззрение революционных демократов являлось простым заимствованием идей западноевропейской общественной мысли.

Нашей партией и партийной печатью была разоблачена антипатриотическая, антинародная группа безродных космополитов.

В борьбе с космополитизмом в философии особое значение приобретает вопрос о самостоятельности и исторической роли передовой русской философии XVIII—XIX веков.

Чуждую марксизму-ленинизму «теорию» проповедовал безродный космополит З. Каменский в статье «К вопросу о традиции рус-

ской материалистической философии XVIII—XIX веков», всячески принижая роль русской науки и философии, возрождая концепции дворянско-буржуазных историков о подражательном характере русской философии.

В 1947 году на философской дискуссии по книге Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии» А. А. Жданов указал на недопустимость невключения русской философии в общую историю философии: «Ничем не мотивированным является также невключение в учебник истории развития русской философии. Нет нужды доказывать, что это упущение носит принципиальный характер. Какими бы мотивами ни руководствовался автор, исключая историю русской философии из общей истории философии, умолчание о ней объективно означает умаление роли русской философии и искусственно делит историю философии на историю западноевропейской и историю русской философии...»¹.

Принцип большевистской партийности в оценке русской классической философии XVIII—XIX веков означает раскрытие того факта, что развитие русской философии определялось в конечном счете революционной борьбой народных масс России против крепостничества и монархии. Это, понятно, ни в какой мере не означает, что русская философия не была связана с западноевропейской. Прогрессивные деятели России прошлого века глубоко изучали теории западноевропейских мыслителей, критически усваивали все ценное в их творчестве.

Ценнейший вклад в развитие русской и мировой культуры внес великий революционный демократ Н. А. Добролюбов.

Мировоззрение Добролюбова складывалось в условиях кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства, назревшего под влиянием развития капитализма. Кризис помещичье-крепостнической системы привел к обострению классовых и политических противоречий.

Народные массы, доведенные до крайне бедственного положения, не хотят больше жить по-старому при сохранении крепостнических порядков.

Передовые, революционно настроенные слои русского общества все более убеждались в необходимости покончить с крепостным правом. Крестьянский вопрос занимал центральное место в общественной жизни России 40—60-х годов прошлого века. В конце 50-х годов широкие массы усилили борьбу против крепостничества; по всей стране прошла широкая волна крестьянских восстаний, возраставших из года в год: в 1858 году их было 86, в 1859 году — 90, а в 1861 году — уже 1176.

---

¹ А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии», стр. 14. Госполитиздат. 1947

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» отмечается, что «весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право»¹.

Большая часть крепостников всеми силами противодействовала освобождению крестьян, но наиболее дальновидные из них понимали, что сохранить господство помещиков в неизменном виде невозможно. Крепостники предлагали различные проекты крестьянской реформы, которые формально провозглашали освобождение крестьян, но по существу оставляли их в прежней зависимости и бесправии. Между крепостниками и либералами не было существенной разницы. И те и другие хотели сохранить неизблемым помещичье землевладение, и те и другие стремились к закабалению, ограблению крестьянства. Ленин писал, что «пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой и с ключательно из-за меры и формы уступок»². Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве сохранения собственности и власти помещиков, встречая в штыки всякие революционные мысли об уничтожении этой неизбежной собственности.

«Либералы,—писал Ленин,—были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. деломом власти между крепостниками и буржуазией»³.

Разночинцы, революционные демократы, выступавшие как против крепостников, так и против либералов, стояли во главе освободительного движения России. Они звали народ на борьбу против крепостничества, самодержавия. «Освободительное движение в России,—писал Ленин в 1914 году,—прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»⁴.

Наиболее видными представителями первого периода освободительного движения были декабристы и Герцен. Герцен завершает славную плеяду дворянских революционеров.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 5.

² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

³ Там же, стр. 96—97.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

Несмотря на то что дворянские революционеры были далеки от народа, их протест против крепостничества поднимал народные массы на борьбу против помещичье-крепостнической реакции. Выступление декабристов разбудило Герцена. Встав на революционно-демократические позиции, Герцен оказал огромное влияние на формирование и развитие общественно-политических воззрений Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

Перед революционными демократами со всей остротой встал вопрос о борьбе с крепостничеством, о коренной ломке всех крепостнических порядков. Как увидим далее, вся революционно-политическая деятельность Н. А. Добролюбова была подчинена этой задаче.

Передовым идеям и теориям царское правительство противопоставляло реакционную теорию «официальной народности». Формула «православие, самодержавие, народность» означала, будто русский народ по своей природе религиозен, верен царю и крепостное право считает нормальным состоянием. Теория «официальной народности» и явилась знаменем реакции, идеологической основой всего лагеря, противостоящего революционным демократам.

Поэтому революционные демократы вели борьбу не только против открытых сторонников самодержавия и крепостников, но также и против либералов.

Дворянско-буржуазная идеология либерализма была серьезным препятствием в борьбе за новую, свободную Россию. Русские революционные демократы во главе с Чернышевским разоблачали либералов, отстаивая интересы крестьянства в борьбе против крепостничества. В. И. Ленин писал, что «либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»¹.

Общественно-политические взгляды Н. А. Добролюбова

Центральное место во всей литературной и общественно-политической деятельности Добролюбова занимали вопросы борьбы за уничтожение самодержавно-крепостнического строя. Революционный демократ Добролюбов мечтал о свободной России и был твердо убежден, что Россия вступит в число передовых стран как в области политики, так и науки. Всю свою жизнь Добролюбов посвятил служению делу народа, борьбе за освобождение от гнета крепостничества и царского самодержавия.

Н. А. Добролюбов прожил всего двадцать пять лет. Некрасов писал о нем: «Бедное детство в доме бедного священника; бедное полуголодное учение; потом четыре года литературного упорного труда и, наконец, год, проведенный в предчувствии смерти,— вот и вся его биография».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

Короткая жизнь Добролюбова была чрезвычайно богата своим внутренним содержанием, горячим стремлением отдать свои силы борьбе за освобождение народа. Именно поэтому жизнь и деятельность Добролюбова весьма поучительны, представляют исключительный интерес.

Николай Александрович Добролюбов родился в Нижнем-Новгороде 24 января (ст. стиля) 1836 года. Отец его А. И. Добролюбов был священником. Первые годы Н. А. Добролюбов учился дома. В 1847 году он поступил сразу в последний класс Нижегородского духовного училища, которое успешно окончил, затем перешел в Нижегородскую духовную семинарию.

Обучение в семинарии не удовлетворяло Добролюбова. Он стремится вырваться из этой душной обстановки, его влечет в Петербург, в университет. Мысль поступить в университет, сблизиться с журналистами и литераторами, мечта о литературной деятельности не покидает его. «...Если мне хочется в Петербург,—писал Добролюбов,—то не по желанию видеть Северную Пальмиру, не по расчетам на превосходство столичного образования: это все на втором плане, это только средство. На первом же плане стоит удобство сообщения с журналистами и литераторами»¹.

В университет Добролюбову не удалось попасть. Он поступил в педагогический институт.

Это был период формирования политического мировоззрения Добролюбова, когда началась широкая, плодотворная публицистическая и литературно-критическая деятельность выдающегося революционного демократа.

В институте издавалась рукописная газета «Слухи». Стихотворения, заметки, статьи, помещенные Добролюбовым в этой газете, свидетельствуют о политической целеустремленности их автора. Так, в стихотворении «Дума при гробе Оленина» он выражает страстную ненависть к самодержавию, помещикам, крепостному строю. С ненавистью и презрением обращается Добролюбов к дворянам:

«Скажите, русские дворяне,
Какой же бог закон изрек,
Что к рабству созданы крестьяне
И что мужик не человек?..»².

Смелым революционным призывом звучит стихотворение Добролюбова «Ода на смерть Николая I», в котором он призывает русский народ осознать свое рабское положение и свергнуть власть тирана:

«Пора открыть глаза уснувшему народу,
Пора лучу ума блеснуть в глухую ночь,
Событий счастливых естественному ходу
Пора энергией и силою помочь.

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 389. Гослитиздат. 1939.

² Там же, стр. 221.

Не правь же, новый царь, как твой отец ужасный,
Поверь, назло царям, к свободе Русь придет.
Тогда не пощадят тирана род несчастный,
И будет без царей блаженствовать народ¹.

В студенческие годы Добролюбов уделяет много внимания литературной критике. С 1856 года он принимает активное участие в самом передовом журнале того времени—«Современнике».

В восьмой книге «Современника» за 1856 год была помещена его первая историко-литературная статья «Собеседник любителей русского слова», в которой Добролюбов дал глубокий анализ развития литературы второй половины XVIII века и подверг критике либерально-дворянскую оценку русской литературы XVIII века. И, что самое существенное, Добролюбов вскрыл общественное значение литературы. По существу уже в первой статье Добролюбов выдвинул вопрос о народности литературы и принцип демократического реализма.

Статья Добролюбова сыграла огромную роль в его жизни—способствовала его сближению с Чернышевским и еще большему укреплению его революционно-демократических позиций. Чернышевский увидел в молодом студенте талантливого критика. С этого времени началась совместная литературно-критическая и политическая деятельность Чернышевского и Добролюбова. В 1857 году Добролюбов окончил институт и стал сначала сотрудником, а затем одним из редакторов «Современника». К этому времени Добролюбов был уже вполне оформившимся литератором, публицистом, убежденным революционным демократом. Совместная деятельность и личная дружба Добролюбова с Чернышевским оказали большое влияние на дальнейшее укрепление и развитие политических, философских и литературно-критических воззрений Добролюбова. Вместе со своим другом Чернышевским Добролюбов вел ожесточенную борьбу в «Современнике» против группы эстетствующих либералов, возглавляемой Дружининым.

Исключительно напряженная работа по ночам, постоянная угроза ареста быстро подорвали организм Добролюбова. В 1858 году он заболел туберкулезом. По настойчивой просьбе Некрасова и Панаева Добролюбов в 1860 году уехал лечиться за границу, но было уже поздно. Болезнь успела пустить глубокие корни. По возвращении из Италии, летом 1861 года, Добролюбов приступил к работе в «Современнике». За этот год он написал свыше тридцати печатных листов. Но болезнь продолжала развиваться; в сентябре наступило резкое ухудшение, и 17 ноября 1861 года великого русского критика и революционного демократа не стало. Не удалось спасти жизнь молодого талантливого критика, борца за прогресс и культуру, страстного защитника интересов русского народа.

---

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 228.

После его смерти Н. Г. Чернышевский с горечью сказал: «Вот уже редкий день проходит у меня без слез... Я тоже полезный человек, но лучше бы я умер, чем он... Лучшего своего защитника потерял в нем русский народ»¹.

Для мировоззрения Добролюбова была характерна политическая целеустремленность. Когда самодержавно-крепостническое правительство и пресмыкающиеся перед ним помещичье-буржуазные либералы разрабатывали грабительские проекты «освобождения крестьян», Добролюбов разоблачал их как предателей народа. Вместе с Н. Г. Чернышевским он пропагандировал идеи революционного преобразования России, освобождения русского народа от ига крепостничества. В 1855 году Добролюбов записывает в своем дневнике: «Наша родная Русь более всего занимает нас своим великим будущим, для которого хотим мы трудиться неутомимо, бескорыстно и горячо... Да, теперь эта великая цель занимает меня необыкновенно сильно... я как будто нарочно призван судьбою к великому делу переворота!..»². Добролюбов боролся со всякого рода несправедливостью и притеснениями народа, выступал против угнетения национальностей, против неприязни к другим нациям. Добролюбов подчеркивал интернациональный характер истинного патриотизма: «Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен... Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям...»³.

Наряду с этим Добролюбов со всей резкостью выступал против проповедников космополитизма, которые считали, что русский народ не способен создать самостоятельную культуру, науку, что только Запад несет в Россию цивилизацию. Он был беспощаден ко всем тем, кто пытался унижить национальное достоинство русских людей.

Вслед за Белинским и Герценом Добролюбов резко выступал против людей, которые вообразили себя вполне образованными после поверхностного ознакомления с пятью-шестью предметами «в размере гимназических курсов» и на этом основании совершенно потеряли связь с русской почвой. В одном из своих произведений (оно не увидело света при его жизни), носящем ироническое название «Что о нас думают в Париже?», Добролюбов подверг едкой критике представителей так называемого «хорошего общества», которые считаются с тем, что о них думают в Париже, а не с тем, как о них судят в России.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 449. Гослитиздат. 1949.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 396—397.

³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 227—228. Гослитиздат. 1936.

С позиций революционного демократизма Добролюбов развивает исключительно глубокую критику буржуазного парламентаризма.

В статье «От Москвы до Лейпцига» Добролюбов выступает с резкой критикой буржуазных свобод. Он прямо указывает, что пролетарий в Западной Европе не может пользоваться никакими свободами, ибо там принцип эксплуатации остается неизблемым и является «основанием» почти всех общественных отношений. Добролюбов отмечает, что в Западной Европе не может быть никакого общественного мнения, так как там господствует мнение небольшой кучки людей.

Борясь с дворянско-буржуазными идеологами типа Кавелина, преклонявшимися перед Западом, революционные демократы питали любовь и уважение к трудящимся массам Запада, не игнорировали их культуры. С большим вниманием они относились к достижениям западноевропейской передовой общественной мысли; они видели единство борьбы русского народа и революционного движения на Западе. Еще Герцен писал, что «надежды и стремления революционной России совпадают с надеждами и стремлениями революционной Европы и предрекают соединение их в будущем»¹. Эту же мысль развивает и Добролюбов, характеризуя сущность подлинного патриотизма, исключая вражду между народами. Понимание патриотизма было для него неотделимо от любви к русскому народу, беспредельной веры в его силу, противостоящую крепостничеству и самодержавию. Именно в этом состоит отличие патриотизма революционных демократов от лжепатриотизма их современников — дворянско-буржуазных либералов, которые, проповедуя «патриотизм», игнорировали интересы народных масс.

Со всей резкостью разоблачает Добролюбов либералов, которые на деле являлись врагами народа. На словах либералы были гуманными людьми, ратовали за отмену крепостного права, но считали, что при этом ни в какой мере не должны пострадать интересы помещиков. Реформистский, а не революционный, путь изменения общественной жизни России — таков основной лозунг либералов, фактически защищавших интересы помещиков-крепостников. Предавая интересы русского народа, либералы устремляли свои взоры на Запад, цепляясь в буржуазной Европе за все реакционное, гниущее. В отличие от либералов революционные демократы были полны глубокой веры в способность русского народа добиться своего раскрепощения.

Резкий отпор встречали со стороны Добролюбова всякие клеветнические измышления о русском народе, якобы по природе своей не способном вести активную борьбу с поработителями, борьбу за свою свободу и независимость.

Вслед за Белинским и Герценом Чернышевский и Добролюбов настойчиво развивали мысль о великой исторической миссии Рос-

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. VI, стр. 400—401. Изд. 1917.

сии, ее роли в области государственности и мировой культуры. Вдохновляемый мечтой о великой будущности своей Родины, он представлял себе то счастливое время, когда перед глазами изумленной Европы «предстанет русский исполин», когда народы России будут свободными.

Глубокую любовь к Родине Н. А. Добролюбов выразил в стихотворении «Дума при гробе Оленина»:

«Вставай же, Русь, на подвиг славы,—
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута...

Она пойдет!.. Она восстанет,
Святым сознанием полна,
И целый мир тревожно взглянет
На вольной славы знамена.

С каким восторгом и волнением
Твои полки увижу я!
О, Русь! с каким благоговеньем
Народы взглянут на тебя,

Когда, сорвав свои оковы,
Уж не ребенком иль рабом,
А вольным мужем жизни новой
Предстанешь ты пред их судом.

Тогда республикою стройной,
В величьи благородных чувств,
Могучий, славный и спокойный,
В красе познаний и искусств,

Глазам Европы изумленной
Предстанет русский исполин,
И на Руси освобожденной
Явится русский гражданин.

И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут,
И просвещенные народы
Нам братски руки подадут».

Во времена Добролюбова крестьянство еще не было подготовлено для массовой революционной борьбы, но он был уверен, что такое время настанет и народ нужно готовить к решительному выступлению против крепостничества и самодержавия. Нужно только понять, за что надо бороться и как бороться. У всех народов, говорит Добролюбов, имеется стремление к свободе и независимости, но особенно сильно это стремление у русского народа. «В русском народе это стремление не только существует наравне с другими народами, но, вероятно, еще сильнее, нежели у других. Говорим это вовсе не потому, чтобы разделяли хоть малейшую долю мнения о превосходстве славянского племени над всеми прочими... Нет, без всяких тонких соображений о племенных различиях, мы просто

смотрим на предшествующие события и на результат их — современное положение народа»¹.

Представители передовой общественной мысли России прошлого века хотели видеть свободным и независимым русский народ, но они не знали и не могли знать действительных путей к его освобождению.

То, о чем могли лишь мечтать представители передовой общественной мысли прошлого века, до конца осуществил самый революционный класс нашего времени — пролетариат — под руководством большевистской партии.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру социализма. Страна победившего социализма под руководством партии Ленина—Сталина вот уже треть века идет в авангарде борьбы за мир, демократию и социализм.

Философские взгляды Н. А. Добролюбова

Философский материализм Добролюбова в сочетании с его диалектическим подходом к объяснению явлений природы и общества был высшей формой домарковского материализма и являлся одновременно теоретической основой его революционного демократизма.

Борьба против крепостничества, программа крестьянской революции, которую отстаивал Добролюбов, своим теоретическим основанием имела его материалистическую философию.

В области философии Н. А. Добролюбов, как уже было сказано, требовал, чтобы теория служила целям изменения жизни, целям ломки крепостнических устоев. «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, — пишет В. И. Ленин, — передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине в с т р а д а л а полувековой историей несслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»².

У наиболее видных, передовых представителей русской общественной мысли, по характеристике Ленина, имелась солидная материалистическая традиция. Добролюбов был одним из выдающихся представителей революционной общественной мысли, внесшим значительный вклад в создание этой солидной материалистической традиции.

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. II, стр. 273—274. Госполитиздат. 1946.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.

Буржуазные историки философии, как правило, отрицают самостоятельный путь развития материалистической философии в России. В лучшем случае они считают, что материализм в России есть результат заимствования материализма Запада, в частности феербаховского материализма. Даже у некоторых советских философов и литераторов можно встретить подобную точку зрения. Лебедев-Полянский, например, в своей монографии о Добролюбове не проводил никакой существенной разницы между материализмом Добролюбова и Фейербаха. Подобный подход к изучению богатейшего наследия русской общественной мысли является в корне порочным.

Добролюбов чутко прислушивался ко всякому новому, прогрессивному философскому направлению на Западе. Больше того, Добролюбов реагировал на все значительные события в развитии революционного движения Запада и, конечно, не мог пройти мимо материалистической философии Людвиг Фейербаха. Но материализм Добролюбова существенно отличается от феербаховского материализма. Материализм Фейербаха не имеет действительной целеустремленности, это созерцательный материализм, не направленный на революционное изменение действительности. На эту ограниченность материализма Фейербаха указывали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Материализм Фейербаха страдает оторванностью от практики жизни, от политики. Маркс писал о Фейербахе: «...он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику»¹. Разрабатывая вопросы философии, литературы, искусства, Добролюбов в отличие от Фейербаха всегда имел в виду практическую целеустремленность теории, рассчитанной на тесную связь с практикой жизни.

Для понимания истоков философских воззрений Добролюбова надо обратиться прежде всего к его идейным предшественникам в России — Белинскому и Герцену, а также к его современнику и учителю — Чернышевскому. Еще в период обучения в семинарии внимание Добролюбова привлекают издававшиеся в России журналы «Отечественные записки» и «Современник». По этим журналам он знакомится с философскими и политическими взглядами Герцена, Белинского, сыгравшими большую роль в формировании его мировоззрения. В 1850 году Добролюбов знакомится с «Письмами об изучении природы» Герцена, позднее читает Белинского его обзоры русской литературы, статьи о Пушкине.

Вопрос об идейных истоках, общем характере русской философии XIX века нельзя решать без учета того обстоятельства, что она развивалась в условиях крепостнической России и освободительной борьбы масс против царизма и крепостничества.

Непреодолимое желание помочь русскому народу выйти из положения униженности, придавленности было основным стержнем в разрешении Добролюбовым всех философских вопросов. Гениаль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 532.

ный мыслитель не раз отмечал, что его привлекают вопросы философии не ради праздного философствования, не «для пищеварения», как он выражался, а для того, чтобы понять жизнь, действительность.

Существенной особенностью материализма революционных демократов, особенно Чернышевского и Добролюбова, является их последовательный атеизм, они были свободны от всяких религиозных наслоений и опирались на данные науки, естествознания своего времени.

Русская философия XIX века развивалась самостоятельно, шла особым путем, отличным от западноевропейской философии домарксовского периода, и многие вопросы философии, социологии, этики, эстетики решала значительно глубже, последовательнее, и в этом одна из отличительных ее особенностей.

Чернышевский, характеризуя развитие философской мысли России 40-х годов XIX столетия, писал: «Деятели, стоявшие тогда во главе нашего умственного движения, конечно, ободрялись тем, что согласие с ними всех современных мыслителей Европы подтверждало справедливость их понятий; но эти люди уже не зависели ни от каких посторонних авторитетов в своих понятиях... тот прогресс в понятиях, который сгладил прежнюю разрозненность, совершился у нас самостоятельным образом... С того времени, как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету»¹. Говоря о самостоятельности развития русской общественной мысли, Н. Г. Чернышевский имеет в виду Белинского и Герцена; тем более это можно отнести к формированию философских воззрений самого Чернышевского и Добролюбова. Подчеркивая самостоятельный путь развития русской философии XIX века, мы тем самым не хотим сказать, что она была изолирована от развития общественной философской мысли Запада. Бесспорно, классики русской философии брали все прогрессивное, что было создано в это время западноевропейскими мыслителями домарксовского периода, но, учитывая опыт Запада, они обращались к условиям российской действительности и на этой основе развивали философскую и общественную мысль.

Идейную самостоятельность в развитии русской философии XIX века отмечал Ленин, когда писал о Герцене, что «в крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»². Заслуга великих русских революционеров 40—60-х годов состоит в том, что они разоблачили реакционные идеи самодержавия, православия, идеи буржуазного либерализма, реакционную, идеалистическую философию Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, подвергли критике ограниченность материализма Людвиг Фейер-

¹ Н. Г. Чернышевский. Избр. философ. соч., стр. 471. Изд. 1938.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 9—10

баха. Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов разоблачили громкие фразы славянофилов о «народной жизни», об ее «чудной красоте», о «русском просвещении», за которыми по существу скрывалось неверие в силу русского народа, в развитие русской передовой мысли.

Классики русской философии XIX века не создали до конца последовательной научной теории диалектического материализма. Подлинный научный переворот в области философии совершили Маркс и Энгельс, они создали принципиально новое мировоззрение самого революционного класса в истории — пролетариата. Философское учение Маркса и Энгельса явилось величайшей революцией в философии. В России в ту пору не было еще пролетариата, носителя подлинной науки, передовой философской теории. Поэтому великие русские мыслители, классики русской философии XIX века не дошли до диалектического материализма. Но Ленин указывал, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»¹. Из этого ленинского требования и нужно исходить в оценке философских воззрений классиков русской философии и, в частности, философских взглядов Добролюбова.

Большую роль в развитии философских взглядов Добролюбова сыграл Чернышевский. В письме к Тургеневу 1 августа 1856 года Добролюбов, с большой любовью отзываясь о Чернышевском, отмечает, как много дали ему беседы с Чернышевским на различные темы в области философии, социологии, эстетики, литературы.

Для Добролюбова в значительной мере была облегчена задача дальнейшего развития материалистической философии именно тем, что его предшественники уже многое сделали в этом направлении. Герцен, Белинский, Чернышевский подвергли критике гегелевскую идеалистическую систему, ее оторванность от жизни, реакционность ее политических выводов, сделали революционные выводы из диалектики Гегеля. Они превзошли во многом и ограниченный материализм Фейербаха. Герцен, Белинский, Чернышевский преодолели идеалистическую эстетику и проложили новые пути развития искусства и литературы на базе созданной ими материалистической эстетики.

Марксистский подход к анализу существа русской философии XIX века требует прежде всего учета той исторической обстановки, в которой развивалась в России философская мысль, требует анализа ее классовой сущности, политической целеустремленности. Решающее значение в творчестве классиков русской философии определяется не тем или иным «влиянием», а классовой сущностью их учения, теми революционными выводами, какие они сделали из самого процесса развития русской действительности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 166.

В философских воззрениях Добролюбова отразился прежде всего процесс роста революционных настроений среди крепостного крестьянства.

Всю свою жизнь Добролюбов боролся против реакционных, идеалистических теорий, затемняющих сознание людей, являющихся преградой к познанию действительности.

Добролюбов развил свой материализм в борьбе против открытых и скрытых врагов науки, против реакционеров и мистиков типа Юркевича, Каткова, Кикодзе. Со всей резкостью он выступал и против тех идеалистов, которые пытались протаскивать свои мистические теории в наукообразной форме (Кусаков, Берви, Савич и др.).

В своей прекрасной статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбов решительно выступает против идеалистов, утверждающих, что материальная и духовная жизнь человека существуют независимо друг от друга, что духовная жизнь является основой развития действительности.

Добролюбов опровергает доводы идеалистов о первичности сознания и вторичности материи. «Пора нам освободить жизнь,— говорит он,— от тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами. Начиная с Платона, восстают они против реализма и, еще не понявши хорошенько, перепутывают его учение. Непременно хотят дуализма, хотят делить мир на мыслимое и являемое, уверяя, что только чистые идеи имеют настоящую действительность, а все являемое, т. е. видимое, составляет только отражение этих высших идей»¹. Добролюбов материалистически решает вопрос о соотношении материи и сознания. «...Что же составляет материал мысли, как не познание внешних предметов? Возможна ли же мысль без предмета; не будет ли она тогда чем-то непостижимым, лишенным всякой формы и содержания? Ведь защищать возможность такой беспредметной и бесформенной мысли решительно значит утверждать, что можно сделать что-нибудь из ничего!..»². «...Человек не из себя развивает понятия,— писал Добролюбов,— а получает их из внешнего мира...»³.

Критикуя идеалистов, отрывающих материю от сознания, признающих сознание, идеи первичными, Н. А. Добролюбов указывает, что природа существует независимо от сознания, что сознание людей отражает объективно существующие закономерности материальной действительности. «Не факты нужно приноравливать к заранее придуманному закону, а самый закон выводить из фактов, не насилуя их произвольно...»⁴.

Добролюбов пришел к выводу, что в мире нет двух начал — духовного и материального. Все существующее есть единая дви-

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв., т. I, стр. 125. Госполитиздат. 1948.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 241.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. I, стр. 344.

жущаяся и развивающаяся материя, которая вечна, не создается и не уничтожается, а лишь меняет в процессе движения свои формы.

Заслуживает внимания решение Добролюбовым вопроса о соотношении материи и движения. Нет в мире сил, говорит он, существующих отдельно от материи. Сила есть существенное свойство материи, способ движения материи. «...В мире вещественном,—отмечает Добролюбов,—мы не знаем ни одного предмета, в котором бы не проявлялись какие-либо свойственные ему силы. Точно так же невозможно представить себе и силу, независимую от материи. Сила составляет коренное, неотъемлемое свойство материи и отдельно существовать не может. Ее нельзя передать материи, а можно только пробудить в ней»¹. Вопреки идеалистам Добролюбов понимал силу как выражение активности, присущей материи.

Развивая основные принципы материалистического понимания природы, Добролюбов резко выступал против русских идеалистов, пытавшихся свести мир к духовному началу. В рецензии на книгу профессора В. Берви «Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» Добролюбов высмеивает идеализм Берви, его антинаучные выводы о том, что естественные науки должны опираться на духовное начало природы. «...Перемешивая науки естественные с нравственными,—указывает Добролюбов,—г. Берви налагает на натуралистов такое обязательство, какого никому, кроме средневековых алхимиков, и в голову не приходило. Он хочет, чтобы физические исследования имели в виду не познание изменений и действий материи, а отыскание в материи — духа, архея, эфира, жизненной силы, словом чего-нибудь, только чтобы это «что-нибудь» не было положительным, материальным, а было что-нибудь «чувствам недоступное». Требование, разумеется, нелепое...»².

Сама жизнь, действительность, весь ход развития науки, отмечает Добролюбов, являются неопровержимым доказательством того, что в мире все идеи, истины возникают из существующей действительности, являются отображением в сознании человека материальной жизни, природы, существующей независимо от сознания.

Со всей резкостью выступает Добролюбов против вульгарных материалистов, отождествляющих мысль и материю, материальное и идеальное и тем самым игнорирующих роль идей в развитии общества. «Нам кажутся смешны и жалки,—пишет он,—невежественные претензии грубого материализма, который унижает высокое значение духовной стороны человека, стараясь доказать, будто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи. Нелепость подобных умствований так давно и так неопровержимо доказана, они так прямо противоречат результатам самих естественных наук, что в настоящее время только разве человек самый отста-

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. I, стр. 345.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 345.

лый и невежественный может еще не презирать подобных материалистических умствований. Мы совсем не хотим сказать, что телесная деятельность важнее духовной, совсем не хотим выставить довольство физическое целью нашей жизни»¹. В борьбе с идеализмом и вульгарным материализмом Добролюбов на основании современных ему данных физиологии доказал, что человеческий мозг является чрезвычайно сложным по своему строению, что изменения, происходящие в мозгу человека, есть результат воздействия внешнего мира на органы чувств.

Добролюбов материалистически решает и вторую сторону основного вопроса философии. Добролюбов выступает против агностицизма, доказывая, что человек имеет полную возможность познать материальный мир, природу. Хотя человеческие знания и носят относительный, преходящий характер, утверждает Добролюбов, но в своем углублении познание человека все больше приближается к истине.

В литературно-критических работах Добролюбова мы находим весьма интересную разработку еще одной философской проблемы, а именно, вопроса о роли практики в процессе познания действительности. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс указывает, что «вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,—вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос»². Известно, что Фейербах не понял практики как революционно-критической деятельности, он не понял практики общественного человека — он дошел лишь до абстрактного понимания практики отдельного индивидуума. Хотя Добролюбов и не дошел до понимания практики как революционно-критической общественной деятельности, однако у него был иной, чем у Фейербаха, подход к самому пониманию практики и ее роли в процессе познания действительности. Добролюбов включает в понятие практики реальную жизнь. Практика жизни, по Добролюбову, является критерием правильности отражения действительности и в художественном творчестве. «Для того, чтобы известная идея, — пишет Добролюбов, — высказалась, наконец, литературным образом, нужно ей долго, незаметно и тихо созреть в умах людей, имеющих прямое, непосредственное соотношение с практической жизнью. На вопросы жизни отвечает литература тем, чем находит в жизни же»³.

Добролюбов приходит к революционному выводу, что художественная литература, правдиво отображая действительность, должна воодушевлять читателя, звать его к борьбе за новую, лучшую

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 92.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 383. Изд. 1948.

³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 208. Гослитиздат. 1934.

жизнь. В этом и состоит основное отличие революционного материализма Добролюбова от созерцательного материализма Людвиг Фейербаха. Активный, революционный характер материализма и есть главным образом то новое, что вносят Добролюбов и другие революционные демократы в разработку материалистической теории в условиях русской действительности.

Революционные требования — связь с жизнью, служение будущему, — предъявляемые Добролюбовым к философии, несравнимы с установкой Фейербаха о том, что философии нет никакого дела о будущем. «Будущее, — писал Фейербах, — не надо никогда делать непосредственным предметом своего мышления и своих забот. Р а з у м н о е наслаждение настоящим — это единственная разумная забота о будущем»¹. В противоположность Фейербаху Добролюбов призывал не к праздному философствованию, а к практической деятельности. Он не стоял в стороне от политики, а бичевал все реакционное, призывал к свержению самодержавия, к революционной ломке крепостнических порядков. Хотя материализм Фейербаха и явился отражением роста оппозиционных настроений кануна революции 1848 года, но сам Фейербах остался в стороне от активной политической борьбы. «Фейербах не понял революции 48 г.»², — отмечает Ленин.

Материализм Добролюбова свободен от религиозно-этических наслоений, тогда как Фейербах обожествлял взаимоотношения между людьми, пытался создать новую религию. Наконец, весьма существенным отличием материализма Добролюбова от материализма Фейербаха является то, что в противоположность метафизическому методу Фейербаха Добролюбов признавал вечное движение, изменение действительности, вечную смену одних форм другими.

Глубокий и всесторонний анализ противоречивых условий развития российской действительности приводит Добролюбова к выводу, что диалектика состоит не в абстрактных умствованиях, что она заключена в самой жизни, действительности, что она отражает противоречивый процесс развития, происходящий в природе и в жизни общества. Большой заслугой Добролюбова является его критика абстрактного, схоластического понимания диалектики русскими последователями Гегеля в 30—40-х годах — Кавелиным, Боткиным, Бакуниным. «Люди того поколения, — пишет Добролюбов, — проникнуты были высокими, но несколько отвлеченными стремлениями. Они стремились к истине, желали добра, их пленяло все прекрасное; но выше всего был для них принцип. Принципом же называли общую философскую идею, которую признавали основанием всей своей логики и морали... Отлично владея отвлеченной логикой, они вовсе не знали логики жизни и потому

¹ Людвиг Фейербах. Основы философии будущего, стр. 152. Соц.-экиз. 1936.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 41. Госполитиздат. 1947.

считали ужасно легким все, что легко выводилось посредством силлогизмов, и вместе с тем ужасно мертвили всю жизнь, стараясь втиснуть ее в свои логические формы»¹. Добролюбову как революционному демократу были глубоко чужды отвлеченные, абстрактные логические категории. Он звал не к согласованию жизни с логическими отвлеченными категориями, а, наоборот, к выведению логических категорий из жизни. Но Добролюбов не звал также к примирению с жизненной действительностью, как она есть, он звал к активному вмешательству в жизнь, к раскрытию в самой жизни противоречивых тенденций ее развития. В борьбе с метафизическим методом Добролюбов со всей резкостью выступает против анализа фактов изолированно, вне связи с окружающей действительностью. «Вырвать факт из живой действительности,—пишет Добролюбов,—и поставить его на полочку рядом с пыльными фолиантами, или классифицировать несколько отрывочных, случайных фактов на основании школьных логических делений — это значит уничтожать ту жизненность, которая заключается в самом факте поставленном в связи с окружающей его деятельностью»².

Развитие от низшего к высшему, победа прогрессивного — вот в чем видел Добролюбов основной закон развития жизни. В отличие от Фейербаха, отбросившего диалектику, и в противоположность Гегелю, примирявшему противоречия в высшем синтезе развития абсолютной идеи, Добролюбов понимал, что движение от простого к сложному, от низшего к высшему является основой развития.

«В природе все идет постепенно от простого к более сложному, от несовершенного к более совершенному; но везде одна и та же материя, только на разных степенях развития»³. Добролюбов пытается применить и к общественной жизни диалектический принцип развития, считая, что в обществе нет абсолютных, неизменных законов. Закономерности общественной жизни «сами по себе вечны и не абсолютны. Принимая их, как выработанные уже условия прошедшей жизни, мы через то никак не обязываемся считать их совершеннейшими и отвергать всякие другие условия. Напротив, в мой естественный договор с обществом входит, по самой его сущности, и обязательство стараться об изыскании возможно лучших законов... в силу самого чувства законности, устраняется застой и неподвижность в общественной организации, мысли и воле дается простор и работа...»⁴.

Рассматривая диалектически явления общественной жизни, Добролюбов наносит удар метафизикам, либералам, врагам революционной демократии, пытавшимся увековечить крепостнические порядки в России. Критикуя Шевырева за метафизический подход к

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 58—59. Гослитиздат. 1937.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 432.

³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 310.

⁴ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 110. Гослитиздат. 1935.

общественной жизни, Добролюбов отмечает, что «успокоение на неизменной истине, отысканной им в древней Руси, ведет к самому унылому застою и смерти... единая и высокая истина г. Шевырева, вечно-присущая древней Руси, совершенно чужда всем жизненным интересам новой России...»¹. Добролюбов зовет к активной борьбе против всякого произвола, против устоев крепостничества. Те, кто пытается увековечить существующие порядки, попадают в вонючее болото, указывает Добролюбов. Он предпочитает жестокую борьбу застывшему покою, рутине. «В болоте погибнуть так же легко,—пишет Добролюбов,—как и в море; но если море привлекательно опасно, то болото опасно отвратительно. Лучше потерпеть кораблекрушение, чем увязнуть в тине»². Попытки диалектически рассматривать явления общественной жизни привели Добролюбова к выводу, что борьба противоположных тенденций есть явление, независимое от воли и сознания людей. В статье ● Н. В. Станкевича он пишет: «Большую частью, почти всегда, борьба эта является следствием обстоятельств, совершенно независимо и даже иногда против воли того, на кого должны обрушиться все тяжелые последствия борьбы»³.

В противоположность гегелевской диалектике диалектика Добролюбова, как и Чернышевского, не примиряла противоречий, а призывала вскрывать их, разрешать в борьбе. Но учение о противоречиях не получило у Добролюбова характера всеобщего закона развития, не получило всесторонней исторической конкретизации.

Добролюбов не смог создать цельное научное мировоззрение — диалектический материализм. К нему полностью применимо замечание Ленина в отношении Герцена: «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»⁴.

Представители революционной демократии 40—60-х годов прошлого столетия и в том числе Добролюбов не смогли подняться до последовательной революционной теории, ибо в России в то время не созрели еще материальные условия для возникновения подлинной науки о закономерностях развития природы и общества. Товарищ Сталин указывает, что «теоретик того или иного класса не может создать идеала, элементов которого не существует в жизни, что он может лишь подметить элементы будущего... к которому тот или иной класс приходит практически»⁵.

Когда пролетариат выступил на историческую арену борьбы, основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс создали цельное научное мировоззрение — диалектический материализм, совершив тем самым полный переворот в понимании закономерностей развития природы и общественной жизни.

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 450.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 278.

³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 72.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

⁵ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 117.

Добролюбов был идеологом крестьянства. Но в условиях 50—60-х годов XIX века в России революционно-демократическое, материалистическое мировоззрение Н. А. Добролюбова было самым передовым мировоззрением.

Материалистическая теория Добролюбова не свободна от некоторых черт антропологизма. В центре философии, говорил он, должен быть человек с его неизменной нормальной человеческой природой. Стремление к счастью и свободе вытекает, по мнению Добролюбова, из неизменных потребностей человека. Именно антропология, по мнению Добролюбова, и явилась той наукой, которая отвергла схоластическую теорию об антагонизме души и тела.

«Антропология доказала нам ясно, — пишет Добролюбов, — что прежде всего — все усилия наши представить себе отвлеченного духа без всяких материальных свойств, или положительно определить, что он такое в своей сущности, всегда были и всегда останутся совершенно бесплодными... Только новейшая наука отвергла схоластическое раздвоение человека и стала рассматривать его в полном, неразрывном его составе, телесном и духовном, не стараясь разобщать их. Она увидела в душе именно ту силу, которая проникает собою и одушевляет весь телесный состав человека»¹. В. И. Ленин показал узость антропологического материализма Чернышевского и Фейербаха, и эта оценка в полной мере может быть отнесена к Н. А. Добролюбову. «...Узок термин Фейербаха и Чернышевского «антропологический принцип» в философии, — говорит Ленин. — И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма*»².

Этот узкий антропологический принцип материализма не дал возможности Добролюбову подняться до понимания того, что у разных классов в разные исторические эпохи существуют различные потребности и что стремление людей к свободе и счастью определяется прежде всего материальными условиями жизни общества. Но в отличие от антропологического материализма Фейербаха Добролюбов не рассматривает человека как абстракцию. Как революционный демократ он берет человека в реальной исторической обстановке, он обращается к народу, к массе крестьянской, к простолюдинам.

Диалектика Добролюбова ограничена так же, как и его материализм: она не является наукой о всеобщих законах развития природы, общества и человеческого мышления. Только Марксу и Энгельсу удалось обобщить последние открытия естествознания, применить материалистическую диалектику к истории общественного развития, вскрыть всемирно-историческую роль пролетариата и создать на этой основе подлинно научную теорию социализма. Добролюбов, как и Белинский, Герцен и Чернышевский, в условиях отсталой, крепостнической России середины XIX века не смог вы-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 95.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 58.

полнить этой задачи. Но это ни в какой мере не снижает большой заслуги Добролюбова в разработке материалистической теории и диалектики. В борьбе с идеализмом и метафизикой, развивая материализм и диалектику, Добролюбов создавал теоретическую основу революционно-демократического движения в России, поднимал массы на борьбу с крепостничеством, с самодержавием.

Социологические взгляды Н. А. Добролюбова

Н. А. Добролюбов был выдающимся общественно-политическим деятелем. Он уделял много внимания вопросам общественного развития. В его трудах имеется много ценных высказываний по вопросам истории, революции, роли народных масс и личности в истории, дающих обильный материал для характеристики его социологических воззрений.

В. И. Ленин отмечал, что от произведений Чернышевского веет духом классовой борьбы. Эта характеристика с полным правом может быть отнесена и к творчеству Добролюбова. Чернышевский и Добролюбов не дали и не могли дать научной теории классов и классовой борьбы, не могли понять роли классовой борьбы как основного закона развития антагонистических общественно-экономических формаций. Но они были героическими защитниками угнетенных масс трудящегося крестьянства, они звали народные массы на борьбу с поработителями. В этом прежде всего и раскрывается огромная прогрессивная роль Добролюбова и Чернышевского как революционных демократов.

С позиций революционного демократизма Добролюбов развивал исключительно глубокие взгляды на историю. Настоящий историк должен, по его мнению, описывать не историю жизни царей, а историю народа, историю его борьбы. Только при таком подходе можно понять роль личности в истории. «Мы не можем не вспомнить здесь,—пишет Добролюбов,—одного условия, соблюдение которого необходимо для истории, имеющей притязание на серьезное ученое значение. Это — идея об отношении исторических событий к характеру, положению и степени развития народа. Всякое историческое изложение, не одушевленное этой идеей, будет сбором случайных фактов, может быть и связанных между собою, но оторванных от всего окружающего, от всего прошедшего и будущего. Таким образом история самая живая и красноречивая будет все-таки не более, как прекрасно сгруппированным материалом, если в основание ее не будет положена мысль об участии в событиях всего народа, составляющего государство»¹.

Добролюбов высказал глубокую и правильную мысль о роли народных масс в истории и нанес тем самым удар всей буржуазной историографии, рассматривающей историю как деятельность царей, полководцев, анализирующей историю государств лишь по

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 120.

внешним фактам и событиям. Исходя из того, что подлинная история есть история народных масс, Добролюбов высказал гениальную мысль о том, что исторические личности могут влиять на ход развития истории лишь в том случае, если они выражают интересы народных масс. В статье «Первые годы царствования Петра Великого» Добролюбов дал критический анализ работы В. Устрялова «История царствования Петра Великого».

Добролюбов видит основной порок книги Устрялова в том, что он в ущерб исторической необходимости главное внимание уделяет роли личности, относясь с полным пренебрежением к жизни народа. «Если автор,—пишет Добролюбов, имея в виду Устрялова,—не намерен входить в рассмотрение народной жизни, рассказывая дела своего героя; если он хочет представить исторического деятеля одного на первом плане, а все остальное считает только принадлежностями второстепенными, аксессуарами, существенно не нужными; в таком случае он может составить хорошую биографию своего героя, но никак не историю. История занимается людьми, даже и великими, только потому, что они имели важное значение для народа или для человечества. Следовательно, главная задача истории великого человека состоит в том, чтобы показать, как умел он воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе»¹.

В многочисленных работах по истории Добролюбов последовательно проводит мысль о том, что подлинный историк — тот, кто дает прежде всего историю народа. «Не хотят память, что ведь историческая личность, даже и великая, составляет не более как искру, которая может взорвать порох, но не воспламенит камней, и сама тотчас потухнет, если не встретит материала, скоро загорающегося. Не хотят понять, что этот материал всегда готовится обстоятельствами исторического развития народа, и что, вследствие исторических-то обстоятельств, и являются личности, выражающие в себе потребности общества и времени»².

В статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» Добролюбов выступает с резкой критикой буржуазных историков, которые пытаются разобраться в народной жизни при помощи «собственных условных идей». Для подобных историков, указывает Добролюбов, критерием для анализа народной жизни являются идейки, а не сама жизнь. Такой подход к общественным явлениям он называет схоластическим. «Вовсе не думают,—говорит Добролюбов,—взглянуть прямо и просто на современное положение народа и на его историческое развитие, с тем, чтобы представить картину того, что им сделано для усвоения общечеловеческих идей и знаний, для применения их к своему быту, или что им самим создано полезного для человечества. Нет, прежде всего ставят над

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 120.

² Там же, стр. 335.

народом собственные условные идейки, и затем смотрят только на то, в какой степени удовлетворяет он этим идейкам. И какой мертвечиной схоластики веет от самых идеек этих!»¹.

Отстаивая правильную и глубокую мысль о решающей роли масс в истории, Добролюбов все же не ответил и не мог ответить на вопрос, почему массы являются творцами истории. Ответ на этот вопрос дали идеологи пролетариата Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин на основе созданного ими материалистического понимания истории, согласно которому «история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства» и «история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс...»².

Условия крепостнической России не дали возможности Добролюбову последовательно разработать научную теорию общественного развития.

«...Мысль о вечном движении и вечной смене идей в обществе, а, следовательно, и о постоянной необходимости проповедников этих идей — вполне справедлива, — пишет Добролюбов. — Но ведь нужно же принять во внимание и то, что общества живут не затем только, чтоб рассуждать и меняться идеями. Идеи и их постепенное развитие только потому и имеют свое значение, что они, рождаясь из существующих уже фактов, всегда предшествуют изменениям самой действительности. Известное положение дел создает в обществе потребность, потребность эта сознается, вслед за общим сознанием ее должна явиться фактическая перемена в пользу удовлетворения сознанный всеми потребности. Таким образом после периода с о з н а в а н и я известных идей и стремлений должен являться в обществе период их о с у щ е с т в л е н и я; за размышлениями и разговорами должно следовать дело»³.

Не дойдя до материалистического понимания истории, Добролюбов остался при ошибочном мнении, что идеи являются решающими в историческом развитии, а между тем известно, что идеи не являются основными движущими силами истории, ибо они определяются условиями материальной жизни общества, способом производства материальных благ, ибо общественное бытие определяет общественное сознание, а не наоборот.

Сущность исторического развития Добролюбов часто видит в вечном стремлении людей к удовлетворению своих естественных потребностей. «...Чем хуже становится людям, — указывает он, — тем они сильнее чувствуют нужду, чтоб было хорошо. Лишениями не остановишь требований, а только раздражишь; только принятие пищи может утолить голод. До сих пор, поэтому, борьба не кончена; естественные стремления, то как будто заглушаясь, то появляясь сильнее, все ищут своего удовлетворения. В этом состоит

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 241.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

³ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. II, стр. 183.

сущность истории»¹. Плохие общественные порядки он часто объясняет непониманием людей, невежеством народных масс.

Ленин отмечает, что за идеалистической теорией прогрессивных деятелей прошлого века нельзя не видеть главного — революционного демократизма. Именно потому, что вся деятельность Добролюбова проникнута революционным демократизмом, он часто обращается к конкретно-историческим общественным отношениям, рассматривает материальные условия жизни и деятельности людей. Разоблачая либералов, Добролюбов отмечает их отвлеченный взгляд на права человека; они не видят реальных возможностей осуществления этих прав, в то время как «материальная сторона во всех житейских отношениях господствует над отвлеченной.. и люди, лишенные материального обеспечения, мало ценят отвлеченные права и даже теряют ясное сознание о них»². Более того, рассматривая развитие общества исторически, Добролюбов приходит к выводу, что развитие общественной жизни совершается независимо от сознания и воли людей, по причинам объективным «...История в своем ходе совершенно независима от произвола частных лиц... путь ее определяется свойством самых событий, а вовсе не программой, составленной тем или другим историческим деятелем»³. Это, конечно, не четкий принцип материалистического понимания истории, не положение о зависимости общественного сознания от общественного бытия, но весьма ценная мысль о том, что общественная жизнь людей развивается помимо их воли и сознания. Законы общественного развития, отмечает Добролюбов, не вечны, преходящи, так как материальные потребности людей неизбежно требуют изменения существующих социальных отношений.

Придавая огромное значение просвещению народных масс, прогрессу человеческих знаний, Добролюбов в отличие от просветителей XVIII века понимал, что только одним просвещением нельзя изменить существующих общественных отношений. В статье «От Москвы до Лейпцига» Добролюбов писал, что с развитием просвещения и образованности меняется лишь форма эксплуатации: она делается более утонченной, изысканной, а сущность ее остается та же. Следовательно, говорит Добролюбов, просвещение никак не может изменить общественные порядки: оно не изменяет самой основы общественных отношений.

Весь смысл прогрессивного развития истории, по мнению Добролюбова, состоит в решительной борьбе за «уничтожение дармоедства», в борьбе за возвышение труда. В этом он видел главную задачу воспитания народных масс. «Уничтожение дармоедов в возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории,—говорит Добролюбов. — По степени большего или меньшего уважения в

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 324.

² Там же, стр. 333.

³ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. I, стр. 194.

труду и по умению оценивать труд более или менее соответственно его истинной ценности — можно узнать степень цивилизации народа. Степень возможности и распространения дармоедства в народе может служить безошибочным указателем большей или меньшей недостаточности его цивилизации»¹.

Характерной особенностью социологических взглядов Добролюбова является то, что любую историческую проблему он решает с позиций революционного демократизма; всюду он ставит главную задачу — уничтожение произвола и рабства, достижение народными массами лучшей, счастливой жизни. С этих позиций он решает и многие этические проблемы, в частности раскрывает смысл так называемого разумного эгоизма. Всем людям, указывает он, свойственны эгоистические действия, все люди ищут лучшего, стараются удовлетворить свои желания и потребности. Но Добролюбов отличает разумный эгоизм от узко индивидуалистического, ведущего неизбежно к паразитизму, к эксплуатации чужого труда. «...Естественное требование человека, — пишет Добролюбов, — чтоб его никто не стеснял, чтоб предоставили ему пользоваться его личными неотъемлемыми средствами и безмездными, никому не принадлежащими, благами природы, а с другой стороны — столь же естественное сознание, что и ему не нужно посягать на права других и вредить чужой деятельности... к этому... и сводятся все стремления к независимости, самостоятельности и строгой справедливости, все гуманные чувства, все антипатии к насилию и произволу, деспотизму и рабству»².

Таким образом, Добролюбов разоблачает всякое проявление эгоистических качеств людей, в основе которых лежит порабощение человека человеком, деспотизм и рабство.

Вся деятельность человека, говорит Добролюбов, должна быть подчинена общественным интересам, и только тогда она может быть плодотворной. Человек должен ясно понимать свое место в обществе. Добролюбов отходит от узко антропологических принципов, раскрывает значение человека в обществе и его деятельности. «Когда человек до того развился, — писал он, — что не может понять своего личного блага вне блага общего; когда он при этом ясно понимает свое место в обществе, свою связь с ним и отношения ко всему окружающему, тогда только можно признать в нем действительную, серьезную, а не риторическую любовь к общему благу»³.

Этическая теория Добролюбова, в основе которой лежат принципы революционного демократизма, отлична от абстрактной этики Фейербаха, проповедовавшего идеи всеобщей примиряющей любви между людьми независимо от их классовой принадлежности.

Большой интерес представляет в социологических взглядах Добролюбова решение им вопроса о классах и классовой борьбе. Доб-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 267—268.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 246.

³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 244.

ролюбов ясно видит противоположность интересов эксплуатируемых и эксплуататоров, борьбу между угнетенными и угнетателями. Он указывает, что историка должны интересовать «не генеалогические предания и не внешняя стройность государственной организации... Гораздо более заслуживают его внимания с одной стороны,— права рабочих классов, а с другой — дармоедство во всех его видах,—в печальном ли табу океанийских дикарей, в индийском ли браминстве, в персидском ли сатрапстве, римском патрицианстве, средневековой десятине и феодализме; или в современных откупах, взяточничестве... крепостном праве, денежных браках, дамах-камелиях и других подобных явлениях...»¹. В общественной жизни историк должен раскрывать, указывает Добролюбов, противоположность интересов рабочих классов и дармоедов.

Он глубоко анализирует расстановку классовых сил в крепостнической России, непримиримость классовых противоречий между помещиками и крепостным крестьянством. Многочисленные работы Добролюбова посвящены анализу бедственного, рабски угнетенного положения крестьянства в крепостной России. Добролюбов отмечает, что крепостной крестьянин в России, находясь в кабале у помещика, испытывает на себе одновременно невыносимый гнет всего бюрократического государственного аппарата, всей крепостнической системы управления: «Тут с него берет взятку грамотный писарь, тут его обсчитывает ученый хозяин, здесь обмеривает землемер, там у него на перепутьи стоят разные немецкие промышленники и всякие иноземные изобретатели, там висят над ним разные бюджеты, кредиты, конвенции, мобилизации и другие изобретения новейшей государственной цивилизации, беспрестанно отзываются на его спине и кармане...»².

Идеолог крестьянской революции, Добролюбов не просто констатирует угнетение, бесправие крепостного крестьянства,—он зовет народные массы к решительной борьбе с крепостничеством. Необходимо, говорит он, всеми средствами воздействовать на сознание низших классов и возбуждать в них деятельность. Как последовательный революционный демократ Добролюбов разоблачает либералов, которые только твердят о высших стремлениях, о сознании нравственного долга, об интересах народа, а на деле не идут дальше слов, проповедуют реформизм и боятся активности народных масс.

В. И. Ленин дал высокую оценку критики революционными демократами либерализма. «Последовательные демократы,—писал Ленин,—Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за реформизм, в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее»³.

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 268.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 108.

³ В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 211.

Добролюбов был ярким противником реформизма; он считал, что достигнуть прогресса в России можно только при условии уничтожения самодержавно-крепостнического режима через крестьянскую революцию. Критикуя западноевропейских социалистов-утопистов, считавших возможным мирным путем прийти к новому, социалистическому общественному устройству, он писал: «...Мы удивляемся, каким образом могут некоторые ученые люди защищать благодетельность паллиативных мер для будущего прогресса Западной Европы и отвергать реформы общие и решительные (т. е. революцию.—М. Н.), как гибельные для ее благоденствия»¹.

Революционные демократы ясно видели процесс разложения государственной жизни в крепостнической России, особенно после Крымской войны, когда со всей обнаженностью выступило ничтожество николаевского режима. Крепостнический строй разлагается изнутри, писал Добролюбов, в верхах все больше нарастает страх перед народным протестом против произвола помещиков, страх перед крестьянским движением, охватившим всю Россию.

Разоблачая устои российского самодержавия, Добролюбов пытается найти выход из гнетущей атмосферы крепостничества, он ищет силу, способную сбросить существующие общественные порядки и создать новую, свободную жизнь. Эту силу он находит в русском народе. «Многие до сих пор полагают,—писал Добролюбов,—что народ, еще не получивший свободы, не должен заслуживать и серьезного внимания, так как он живет и действует не сам по себе, а как ему велят. И это рассуждение было бы справедливо, если бы оно относилось к массе, окончательно обезличенной и совершенно лишенной всех человеческих стремлений. Но мы уже сказали, что не верим даже в возможность подобного обезличения целого народа и, ни в каком случае, не можем навязать его народу русскому. А если потребность восстановить независимость своей личности существует, то... во всяком случае она проявится в фактах народной жизни, решительно и неотлагаемо. Заглушить эту потребность или повернуть ее по своему никто не в состоянии; это река, пробивающаяся через все преграды и немогущая остановиться в своем течении, потому что подобная установка была бы противна ее естественным свойствам»².

Пока существует эксплуатация человека человеком, пока существует дармоедство, говорит Добролюбов, невозможно, чтобы труд человеческий был оценен по достоинству. «...Нужно, чтобы значение человека в обществе определялось его личными достоинствами и чтобы материальные блага приобретались каждым в строгой соразмерности с количеством и достоинством его труда: тогда всякий будет учиться уже и затем, чтобы делать как можно лучше свое дело, и невозможны будут тунеядцы...»³.

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 400—401.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 273.

³ Там же, стр. 187.

Добролюбов был сторонником утопического социализма. Он не выделял рабочий класс как историческую освободительную силу, он, естественно, не видел и не мог видеть, что классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата, что переход к социализму возможен только через диктатуру пролетариата.

Только Маркс и Энгельс, научно раскрывшие закономерности развития капиталистического общества, показавшие всемирно-историческую роль пролетариата, создали подлинно научную теорию социалистического общества. Революционные демократы прошлого века, в силу недостаточно развитых экономических и политических условий общественного развития России, не могли научно раскрыть закономерности истории.

Как и Чернышевский, Добролюбов «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹.

Необходимым условием развития России по пути к социализму, по мнению Добролюбова, явится народная крестьянская революция, которая установит демократическую власть и осуществит социалистические преобразования общества. Добролюбов ошибочно считал, что крестьянская революция будет носить социалистический характер.

Однако утопический социализм революционных демократов отличается от западноевропейского утопического социализма и прежде всего тем, что в нем сочетались идеи социализма с идеями революционной демократии. Революционные демократы стояли на позициях классовой борьбы и в отличие от западноевропейских социалистов-утопистов не мыслили создания социализма без перехода власти в руки народа.

Добролюбов выступает с критикой социалистов-утопистов типа Оуэна, считавших возможным уничтожить эксплуатацию и бесправие масс путем организации кооперативных учреждений.

Западноевропейские социалисты-утописты не видели в трудящихся массах активной силы, способной к преобразованию общества. Для Добролюбова трудящиеся массы и были той единственной силой, которая способна разрушить старый общественный порядок и создать новый. «...Пролетарий,—говорит Добролюбов,—понимает свое положение гораздо лучше, нежели многие прекраснодушные ученые, надеющиеся на великодушные старших братьев в отношении к меньшим...»². При этом необходимо заметить, что под пролетарием Добролюбов понимал трудового человека вообще.

Вера в творческие силы народных масс, в способность народа участвовать в управлении государством отличает революционно-демократическое мировоззрение Добролюбова от мировоззрения

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 393.

домарксовских социологов, социалистов-утопистов, игнорировавших деятельность народных масс в общественной жизни. Добролюбов критикует теории утопических социалистов, видящих в пролетариате лишь пассивную жертву, возлагающих все надежды на благонамеренную частную инициативу, на филантропию богатых как на средство спасения пролетариата.

Лучшей формой государственного устройства Добролюбов считал демократическую республику. Народные массы, «простолюдины», как он их называл, имеют не только естественное право быть активными участниками общественной жизни, но имеют и все необходимые способности к организации нового, демократического устройства общества. Только демократическое общественное устройство, по его мнению, создает широкий простор для проявления инициативы и талантов, которыми обладают народные массы. В личности «простолюдина», говорит Добролюбов, «сознание своего достоинства, своей самостоятельности настолько же сильно, как и сознание кровного родства ее с людьми и взаимной обязанности людей поддерживать друг друга в общих трудах и заботах жизни. Только благоприятных обстоятельств развития да более обширного круга деятельности недостает ей для того, чтобы занять высокое место в ряду лучших деятелей, которых память сохраняется в истории и в преданиях народных»¹.

Логика революционно-демократического мировоззрения привела Добролюбова к выводам, противоположным взглядам либералов. Он верил в силы русского народа, твердо верил, что Россия пойдет по пути прогресса и станет в будущем во главе всего передового человечества. Революционно-демократические воззрения Добролюбова, так же как и Чернышевского, со всей силой вскрывают историческое и идейное превосходство этих великих революционных демократов над всеми домарксовскими социологами, в том числе социалистами-утопистами.

Добролюбов выступает с резкой критикой буржуазной идеологии, особенно буржуазной экономической науки. «Политическая экономия, — говорит он, — гордо провозглашающая себя наукою о народном богатстве, в сущности заботится только о возможно выгоднейшем употреблении и возможно скорейшем увеличении капитала, следовательно, служит только классу капиталистов, весьма мало обращая внимания на массу людей бескапитальных, не имеющих ничего, кроме собственного труда»².

В силу уже известных нам исторических причин социологические взгляды Добролюбова не сложились в законченное научное мировоззрение.

Только Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин превратили социологию в науку, нашли реальную прогрессивную общественную силу в пролетариате, и это обусловило теоретическую глубину и идей-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 300.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 211.

ную последовательность их научного мировоззрения. В. И. Ленин писал:

«Во имя действительной человеческой личности — рабочего, эксплуатируемого господствующими классами и государством, они (Маркс и Энгельс.—М. Н.) требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате»¹.

В 60-х годах прошлого века революционные демократы не могли еще видеть этой силы, и этим обстоятельством обусловлена ограниченность их мировоззрения. Однако неосцилирующей заслугой революционных демократов было то, что они старались поднять народ на революцию, вели жестокую борьбу как против самодержавно-крепостнического строя, так и против либералов, пресмыкавшихся перед правящими кругами и предававших интересы народных масс. Н. А. Добролюбов занимает видное место среди прогрессивных деятелей прошлого века, среди славной плеяды революционных демократов, боровшихся за интересы народных масс, за свободную, независимую Россию, за ее великое будущее.

Революционно-демократические основы эстетики Н. А. Добролюбова

Литературная критика Н. А. Добролюбова была формой его политической борьбы. Добролюбов «усиленно пропагандировал принципы реализма и народности в литературе, считая, что основой искусства является действительность, что она является источником творчества и что искусство имеет активную роль в общественной жизни, формируя общественное сознание. По Добролюбову литература должна служить обществу, должна давать народу ответы на самые острые вопросы современности, должна быть на уровне идей своей эпохи»².

Добролюбов, как и другие представители революционной демократии — Белинский и Чернышевский, — внес ценнейший вклад в развитие русской литературы и искусства. Основная задача литературы в современных условиях, говорил Добролюбов, состоит в том, чтобы «преследовать остатки крепостного права в общественной жизни и добывать порожденные им понятия, возводя их к коренному их началу»³.

В своих литературно-критических статьях и многочисленных рецензиях Добролюбов давал высокую оценку тем произведениям, которые служат возвышенным целям борьбы за свободу и счастье народа. «...Любопытно было бы представить, — пишет Добролюбов, — ход развития русской литературы с такой точки зрения: как она постепенно сближалась с народом и действительностью, посте-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 9.

² А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 24. Госполитиздат. 1946.

³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 259.

ленно избавляясь от исключительного влияния книжников-монополистов и от призрачных, туманных идей, насильно навязанных ими литературе»¹. Задача литературы, неоднократно подчеркивает он, состоит не только в том, чтобы правдиво отражать действительность, но также в том, чтобы видеть и развитие будущей общественной жизни. Служение делу народа, совершенствование общественного самосознания, борьба за прогресс и культуру — вот в чем видел Добролюбов назначение литературы и искусства. В статье, посвященной критическому разбору «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина, Добролюбов раскрывает эту задачу литературы: «Служение делу общественного совершенствования она считает своим священнейшим назначением. Она уже навсегда теперь вышла из пеленок, и, что бы ни случилось, не получают в ней теперь права гражданства ни швейцарские поздравления с высокотожественным праздником, ни лакейские оды на пожалование такого-то господина таким-то чином, ни трактирные дифирамбы в честь какого-нибудь праздника с фейерверком и иллюминацией. Литература деятельно продолжает свои обличения, свои вызовы на все хорошее и благородное; она попрежнему твердит обществу о честной и полезной деятельности, она все поет ту же песню:

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди»².

В основе литературно-критического творчества и эстетических воззрений Добролюбова лежат революционный демократизм и материалистическая теория, тесно связанные с диалектическим анализом действительности и отражения ее в образах литературы и искусства. Он всегда требовал от искусства глубокого содержания и реализма, проникновения в сущность общественных событий.

В области эстетики и материалистической теории искусства Белинский, Чернышевский и Добролюбов шли совершенно самостоятельным путем, создавали новую, до них не существовавшую реалистическую эстетику. Если западноевропейские мыслители домарксовского периода и занимались вопросами эстетики, то они замыкались в узкой сфере абстрактных понятий. Их эстетические идеалистические в своей основе теории были оторваны от политики, от практических задач жизни. Эстетика, разработанная революционными демократами — Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, — была тесно связана с политическими проблемами эпохи, была поставлена на службу практическим задачам жизни. В этом прежде всего сказалась политическая зрелость революционных демократов, их отличие от представителей западноевропейской философии и их эстетических теорий.

Руководствуясь принципами философского материализма, Добролюбов борется за реализм, против идеалистического, мистиче-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 243—244.

² Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. I, стр. 58.

ского мировоззрения. «Теперь, — указывает он, — жизнь со всех сторон предъявляет свои права, реализм вторгается всюду, на зло мистификаторам всякого рода. Жизненный реализм должен водвориться и в поэзии, и ежели у нас скоро будет замечательный поэт, то, конечно, уж на этом поприще, а не на эстетических тонкостях»¹. Исходя из материалистического принципа, Добролюбов с исключительной глубиной развивает вопрос об отражении действительной жизни в художественных образах. От писателя-художника он требует прежде всего правдивого всестороннего отражения действительности. В статье «Литературные мелочи прошлого года» (1859 г.) Добролюбов пишет: «Несколько раз уже приходилось нам говорить об отношении литературы к действительности. Мы постоянно выражали убеждение, что литература служит отражением жизни, а не жизнь слагается по литературным программам. Никогда и нигде литературные деятели не сходили с эфирных пространств и не приносили с собою новых начал, независимых от действительной жизни; все, что произвел когда-либо человеческий ум, все это дано опытом жизни»².

Во всех своих литературно-критических работах — «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «Когда же придет настоящий день?» и других трудах — Добролюбов подчеркивает, что правдивость отражения действительности — решающее требование к художнику. В статье «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов пишет: «...не столько важно то, что хотел сказать автор, сколько то, что с к а з а л о с ь им, хотя бы и ненамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни... меркою для таланта писателя будет здесь то, до какой степени широко захвачена им жизнь, в какой мере прочны и многообъятны те образы, которые им созданы»³.

В обзоре критической литературы о «Грозе» Островского Добролюбов со всей силой обрушивается на педантизм реакционной критики, не понявшей, что основное в творчестве Островского — это отражение им действительной жизни. Разбирая произведение Гончарова «Обломов» в статье «Что такое обломовщина?», Добролюбов отмечает, что Гончаров сумел отразить в нем жизнь «темного царства» крепостников.

Все литературно-критические работы Добролюбова проникнуты идейной заостренностью, написаны с глубоким проникновением, говорят о знании специфики предмета, умении отличить в нем основное, главное от второстепенного. Свою критику Добролюбов назвал реальной критикой, т. е. критикой, проникающей в самую сущность исследуемого произведения.

Абстрактной, бессодержательной эстетической критике Добролюбов противопоставил свою реальную критику, требующую от

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 578.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 46.

³ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. II, стр. 179—180.

художественных произведений отображения явлений подлинной жизни. Задача литературы, по мнению Добролюбова, должна заключаться в том, чтобы показать читателю жизнь в ее существенных проявлениях и тенденциях, воодушевляя его и воспитывая глубоко чувство ненависти к крепостничеству. Задача реальной критики, отмечает Добролюбов, состоит прежде всего в том, чтобы определить, идет ли автор в уровень со стремлениями народных масс и теми стремлениями, которые должны в ближайшее время пробудиться в народе. Добролюбов высоко ценил поэзию Кольцова именно потому, что видел у него зачатки реализма, видел, что Кольцов в своем творчестве обращается к реальной жизни, к человеку.

Художник, говорит Добролюбов, должен не пассивно, механически копировать действительность, а отбирать существенные, типические явления жизни. С исключительной глубиной анализирует Добролюбов вопрос о народности литературы. Тема народности в то время занимала многие умы литераторов, критиков. Вокруг этого вопроса шла ожесточенная борьба между либералами и революционными демократами. Представители либерального лагеря пытались прикрыть народностью свою реакционную деятельность, свое пресмыкательство перед самодержавно-крепостническим режимом. Добролюбов подверг резкой критике мнимую народность либералов. В статье «Что такое обломовщина?» он обрушивается на них за то, что они идеализируют «лишних людей» из среды дворян, всячески превозносят их беспомощность и пассивность. Статья Добролюбова явилась большим событием в истории русской критической литературы. В этой статье он поставил вопрос о судьбах либерально-дворянской интеллигенции, о том, что она ни в какой мере не способна защищать интересы народа. Глубоко веря в силы народа, его могущество, Добролюбов обстоятельно раскрывает сущность народности литературы. Он говорит о «партии народа» в литературе. Характеризуя творчество Пушкина, Гоголя, Кольцова, он указывает, что в отличие от либеральной критики «народность понимаем мы не только как умение изобразить красоты природы местной, употребить меткое выражение, подслушанное у народа, верно представить обряды, обычаи и т. п... Но чтобы быть поэтом истинно народным, надо больше: надо проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., прочувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ...»¹. Единственным условием для достижения подлинной народности литературы Добролюбов считал отмену крепостного права.

В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбов дает глубокое обоснование проблемы народности литературы. В исследовании и критике различных литературных школ и направлений он исходит из следующего критерия:

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 235—236.

в какой степени литература отражает действительное положение народа, как она защищает его интересы.

Кто любит свой народ, говорит Добролюбов, тот поймет радость, с какою приветствуем мы в литературе всякое произведение, имеющее прямое отношение к народной жизни. Добролюбов глубоко сожалел, что литература, произведения искусства еще в очень незначительной мере доходят до народа.

Народная жизнь, не раз отмечал Добролюбов, есть неиссякаемый источник для всех видов творчества литературы и искусства. «Неужели же так и суждено нашей литературе,—пишет он,—на-всегда остаться в узенькой сфере пошленького общества, волнуемого карточными страстишками, любовью к звездам и боязнью пожелать чего-нибудь страстно и твердо?.. Не пора ли уж нам, от-этих тощих и чахлах выводов неудавшейся цивилизации, обратиться к свежим, здоровым росткам народной жизни, помочь их правильному успешному росту и цвету, предохранить от порчи их прекрасные и обильные плоды?»¹.

Только беспредельная вера в силы народных масс дала возможность Добролюбову так глубоко разработать тему народности искусства и литературы.

Продолжая революционные традиции материалистической эстетики Белинского и Чернышевского, Добролюбов с позиций революционного демократизма и материализма подверг уничтожающей критике реакционные, идеалистические теории «чистого искусства», «искусства для искусства».

Сторонникам буржуазно-дворянской идеалистической теории «искусства для искусства», этим представителям «праздных и сытых гурманов», как называл их Добролюбов, была чужда и противна литература, отражающая жизнь народных масс. «...Они хотят,—пишет Добролюбов,—ни больше, ни меньше, как того, чтобы писатель-художник удалялся от всяких жизненных вопросов, не имел никакого рассудочного убеждения, бежал от философии, как от чумы, и во что бы то ни стало,—распевал бы, как птичка на ветке...»².

Политический смысл теории «искусства для искусства» состоял в том, чтобы увести литературу от решения общественных задач современности — борьбы с крепостничеством,—затемнить сознание народа, обезоружить его в борьбе с самодержавно-крепостническим строем. Добролюбов разоблачил пышные фразы поборников «чистого искусства». «Остаток здравого смысла не позволял однако же поклонникам чистой художественности,—пишет он,—высказывать свои требования слишком прямо и бесцеремонно... Поэтому они до сих пор старались смягчать свою теорию разными ограничениями и поэтическими обиняками; а противников своих старались выставить кулаками и если не Чичиковыми, то по

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 308—309.

² Там же, стр. 421.

малой мере Собакевичами, которые не умеют понимать ничего прекрасного и не имеют высокой страсти ни к чему, кроме приобретения материальной пользы. Благодаря таким эволюциям, мнения их получали вид довольно приличный и обманывали даже многих людей не совсем глупых»¹. Добролюбов признает подлинным искусством то искусство, которое, отражая действительность, возбуждает к деятельности.

Добролюбов подверг уничтожающей критике реакционных дворянских писателей — Фета, графа Соллогуба, идеализировавших и восхвалявших крепостническую действительность. «На каждом шагу,—говорит Добролюбов,—мы видим возмутительные факты, всюду вокруг нас совершаются безобразные и вопиющие явления, а печать точно не видит и не замечает этого, и во все горло прославляет и славословит «настоящее время». Им плюют в глаза, а они говорят, что это божья роса»².

Литературно-критические работы Добролюбова отличаются большим разнообразием тематики. Он анализирует самые разнообразные жанры художественного творчества: прозу и поэзию, драму и комедию, скульптуру и музыку. Он требует от произведений искусства высокой художественности, единства формы и содержания.

Представители теории «чистого искусства» часто обвиняли революционных демократов в том, что они в борьбе за правдивое отражение действительности в литературе будто бы погрязли в житейской прозе, что им далеко до высоких художественных идей, что они лишены тонких эмоций. Это был возмутительный клеветнический выпад.

Добролюбов обладал огромным художественным вкусом, тонким поэтическим чутьем, благородной душой, боролся за прекрасное в жизни и в искусстве. Об этом говорит все его творчество.

В борьбе с идеалистической эстетикой революционные демократы всегда выступали за высокую идейность и художественность литературы и искусства. Добролюбова глубоко возмущали те, кто не ценит высокого художественного значения классической русской литературы и поэзии. Успех художественного произведения, успех писателя, отмечает он, зависит от того, насколько его произведение доходчиво, понятно читателям, насколько оно отражает мысли и чувства широких народных масс. Такое произведение имеет успех, по мнению Добролюбова, не только в современных условиях, но остается в веках.

Некоторые представители современного формализма, например в области музыки, по существу пытались восстановить теорию «чистого искусства», разоблаченную еще Белинским, Чернышевским, Добролюбовым.

А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки подверг уничтожающей критике формалистическое направление, кото-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 421.

² «Шестидесятые годы в воспоминаниях». Сборник, стр. 142—143.

рое «выражает чуждый советскому искусству формализм, отказ под флагом мнимого новаторства от классического наследства, отказ от народности музыки, от служения народу в угоду обслуживания сугубо индивидуалистических переживаний небольшой группы избранных эстетов»¹.

Представители современного формализма в области музыки уподобились сторонникам теории «искусства для искусства», которые хотели, по выражению Добролюбова, наслаждаться своими собственными переживаниями, распевать, как птички на ветке. Добролюбов не раз подчеркивал, что только то художественное произведение войдет в историю, будет классическим, которое понятно современникам.

В решении ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба» дана была в 1946 году резкая критика формалистических тенденций в музыке. «...Среди известной части советских композиторов,— говорил А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б),—имеет хождение теория, что «наше поймут через 50—100 лет», что «если нас не могут понять современники, то поймут потомки»... Такие рассуждения означают отрыв от народа. Если я — писатель, художник, литератор, партийный работник — не рассчитываю, что меня поймут современники, то для кого же я живу и работаю? Ведь это же ведет к душевной пустоте, к тупику»².

Революционные демократы — Белинский, Добролюбов, Чернышевский — прекрасно знали, что они работают для народа, борются против крепостничества, за счастливую жизнь народных масс. От литературы и искусства они требовали также служения общественным интересам, служения делу угнетенного человечества.

Творчество классиков русской музыки, представителей «могучей кучки», основывалось на принципах реалистической теории искусства, развитой революционными демократами. В реалистической теории революционных демократов находили они ответы на волнующие их вопросы при создании своих классических произведений.

Проникновенный и целеустремленный анализ художественных произведений приводил Добролюбова к раскрытию самых существенных сторон творчества художника, его сильных и слабых черт. Литературные образы, разбираемые Добролюбовым, приобретали под пером его критики более четкий смысл, становились ближе и понятнее читателю в свете задач борьбы за счастливое будущее Родины. Таковы образы Катерины, Елены, Инсарова, в которых Добролюбов раскрыл веяние жизни, показав их огромное общественно-преобразующее значение. Литературный образ в анализе Добролюбова приобретал ясное идейное и художественное содержание.

¹ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), стр. 136. Изд. 1948.

² Там же, стр. 137.

Анализируя повесть Тургенева «Накануне», Добролюбов «договаривает» то, чего не мог сказать сам автор. «Дело в том, — пишет Добролюбов, — что как бы ни была плоха наша жизнь, но в ней уже оказалась возможность таких явлений, как Елена. И мало того, что такие характеры стали возможны в жизни, они уже охвачены художническим сознанием, внесены в литературу, возведены в тип. Елена — лицо идеальное, но черты ее нам знакомы, мы ее понимаем, сочувствуем ей. Что это значит? То, что основа ее характера — любовь к страждущим и притесненным, желание деятельного добра, томительное искание того, кто бы показал, как делать добро — все это, наконец, чувствуется в лучшей части нашего общества. И чувство это так сильно и так близко к осуществлению, что оно уже не обольщается, как прежде, ни блестящим, но бесплодным умом и талантом, ни добросовестной, но отвлеченной ученостью, ни служебными добродетелями, ни даже добрым, великодушным, но пассивно-развитым сердцем. Для удовлетворения нашего чувства, нашей жажды, нужно более: нужен человек, как Инсаров, — но русский Инсаров»¹. Тогда и в литературе явится полный, резко и живо очерченный образ русского Инсарова.

В творчестве Пушкина, Кольцова, Крылова, Грибоедова, Тургенева, Некрасова, Островского и других классиков русской литературы Добролюбов раскрыл великую революционно-народную традицию русской культуры; он был глубоко убежден, что именно русская литература и искусство укажут путь прогрессивного развития литературе Запада.

Неоценимая заслуга Добролюбова как революционного демократа состоит в том, что он понял мировое значение русской литературы. Все литературно-критические работы Добролюбова, его революционно-демократическая эстетика оказали огромное влияние на развитие не только современной ему литературы, но и литературы последующих поколений.

Основные положения эстетики Добролюбова имеют значение и в современных условиях. А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» говорил: «Некрасов называл свою поэзию «музой мести и печали». Чернышевский и Добролюбов рассматривали литературу как святое служение народу. Лучшие представители российской демократической интеллигенции в условиях царского строя гибли за эти благородные, высокие идеи, шли на каторгу, в ссылку. Как же можно забыть эти славные традиции? Как можно пренебречь ими, как можно допустить, чтобы ахматовы... протаскивали реакционный лозунг «искусства для искусства», чтобы, прикрываясь маской безидейности, навязывали чуждые советскому народу идеи?! Ленинизм признает за нашей литературой огромное общественно-преобразующее значение»².

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч., т. II, стр. 213.

² А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 26.

Русские революционные демократы — Белинский, Чернышевский, Добролюбов — в борьбе за высокую идейность литературы и искусства разработали основные принципы русской демократической эстетики, которая явилась высшим достижением домарксовской эстетической мысли.

Литературно-критические работы Чернышевского и Добролюбова явились знаменем русского реализма прошлого века, они оказали плодотворное влияние на развитие передовой литературы и искусства, выразивших интересы и чаяния народных масс. Продолжая великие традиции Белинского, применяя принцип реализма к практике художественного творчества, Добролюбов сумел найти единство между идейностью и правдой отражения действительности.

Революционно-демократическая эстетика явилась теоретическим обобщением великого поворота к передовому реализму, который совершался в русской и в западноевропейской литературе.

Подлинными наследниками великих традиций революционных демократов, их эстетики являются большевики. Ленин и Сталин подняли на новую, высшую ступень эстетическую теорию, указали новые пути развития литературы и искусства социалистического общества. В 1905 году Ленин написал свою замечательную работу «Партийная организация и партийная литература». «В этой статье Ленина, — говорил А. А. Жданов, — заложены все основы, на которых базируется развитие нашей советской литературы»¹. Основой развития советской литературы является принцип партийности. Ленинский принцип большевистской партийности литературы и искусства есть величайший революционный скачок к новой, социалистической эстетике по сравнению с эстетическими теориями революционных демократов. «Строгая партийность, — писал Ленин, — есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы»².

Осноположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, впервые в истории превратив социологию в науку, создали новую базу для научного развития эстетики. В основе марксистской эстетики лежит диалектический и исторический материализм — мировоззрение революционного класса — пролетариата. В этом и состоит коренное отличие эстетических теорий революционных демократов от марксистской эстетики. Ленин и Сталин, углубляя и развивая дальше марксистскую теорию, обобщая опыт строительства социалистического общества, разработали новый метод развития советского искусства — социалистический реализм, являющийся основой советской эстетики.

В статье «О социалистическом реализме» Горький писал: «Для того, чтоб ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понята, — необходимо развить в себе умение смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего. Эта высокая точка зрения должна и будет возбуждать тот гордый, радостный пафос, который придаст нашей литературе

¹ А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 25

² В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 57.

новый тон, поможет ей создать новые формы, создаст необходимое нам новое направление — социалистический реализм, который — само собою разумеется — может быть создан только на фактах социалистического опыта»¹. Пафос борьбы против мерзости крепостнических устоев, мечта о счастливой, свободной жизни человечества были свойственны и революционно-демократической эстетике. Общественное назначение искусства и литературы, служение делу народных масс в их борьбе с самодержавно-крепостническим строем были основными принципами эстетической теории, сформулированной Белинским, Чернышевским, Добролюбовым. Советская социалистическая эстетика основана на новых принципах, выражающих опыт борьбы масс за победу социализма, за построение коммунистического общества.

Подлинно народный характер присущ только советской литературе и искусству. Народность советской литературы и искусства имеет уже другое содержание — это социалистическая народность. Если в буржуазной литературе образ героя художественных произведений часто противостоит обществу, то в советской литературе, наоборот, обнаруживается полное слияние общественных и народных интересов.

«Судьбы народов и государств,—говорит товарищ Сталин,—решаются теперь не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир,—вот кто настоящие герои и творцы новой жизни»². На историческую арену вышел новый герой — рабочий класс, трудящееся крестьянство, народ, являющийся творцом новой, социалистической действительности.

Советская литература и искусство призваны к реальному отражению новой, социалистической действительности, нового героя — творца истории. Впервые в истории в условиях социализма обнаруживается совпадение объективного хода развития истории и интересов, стремлений народных масс. Вот почему социалистический реализм, единственно научный метод развития советской литературы и искусства, является основой для подлинно реального отражения действительности в художественных образах. Только социалистический реализм, имеющий своей базой до конца последовательную материалистическую теорию, дает возможность отразить в литературе и искусстве жизнь в ее развитии, в ее поступательном движении, показать не только прошлое и настоящее, но и перспективу развития будущего.

На Первом съезде советских писателей А. А. Жданов говорил, что «нет и никогда не было литературы, кроме литературы советской, которая организовала бы трудящихся и угнетенных на борь-

¹ М. Горький. О литературе, стр. 298. Изд. 1933.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 422. Изд. 11.

бу за окончательное уничтожение всей и всяческой эксплуатации и ига наемного рабства. Нет и не было никогда литературы, которая кладет в основу тематики своих произведений жизнь рабочего класса и крестьянства и их борьбу за социализм. Нет нигде, ни в одной стране в мире, литературы, которая бы защищала и отстаивала равноправие трудящихся всех наций, отстаивала бы равноправие женщин. Нет и не может быть в буржуазной стране литературы, которая бы последовательно разбивала всякое мракобесие, всякую мистику, всякую поповщину и чертовщину, как это делает наша литература. Такой передовой идейной революционной литературой могла стать и стала в действительности только советская литература — плоть от плоти и кость от кости нашего социалистического строительства»¹.

Большевистская партия — единственная партия в мире, которая открыто отстаивает принцип партийности литературы, органическое сочетание в искусстве и литературе высокой идейности и художественности.

В докладе «Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции» В. М. Молотов отметил эту особенность развития советской литературы: «Нельзя считать случайностью, что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом. В нашей стране коммунизм воодушевляет к вдохновенному труду, к героической борьбе за Родину, к высокому идейному творчеству»².

Современные передовые люди Запада находят в художественном творчестве советских писателей глубокую моральную поддержку, воодушевляются им, вооружаются в борьбе против реакции, за высокие идеалы человечества.

Социалистический реализм, являющийся определяющим методом развития советской литературы и искусства, дает возможность предвидеть дальнейшее развитие общества, посредством эстетических образов разграничить отмирающее, временно господствующее от развивающегося, прогрессивного, показать, что оно неодолимо в процессе исторического развития. Но социалистический реализм, являющийся качественно новым методом, не отбрасывает всего ценного и положительного, что создано наукой об искусстве в прошлом, особенно идейного наследия русских революционных демократов XIX века.

Характеризуя огромные заслуги революционных демократов в развитии русской культуры, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал недопустимость какого бы то ни было отождествления их

---

¹ А. А. Жданов. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире, стр. 8. Изд. 1934.

² В. М. Молотов. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 28—29. Госполитиздат. 1947.

идеологии с неизмеримо более высокой, передовой пролетарской идеологией. «Социалистические мечтания,—писал Ленин,—превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса»¹.

Советская литература, критика и эстетика критически восприняли все прогрессивное, что было в литературе и эстетике русских революционных демократов прошлого столетия.

Ленин и Сталин неоднократно указывали на необходимость изучения славных традиций великих русских революционных демократов.

В своей замечательной работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин подверг резкой критике вульгаризаторов и упрощителей марксизма типа «пролеткультовцев», «рапповцев», которые игнорировали богатейшие традиции культуры прошлого в развитии пролетарской культуры. В этой связи товарищ Сталин указывает, что «Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период»².

Ленин и Сталин неоднократно разоблачали нигилистическое отношение «пролеткультовцев» и «рапповцев» к наследству прошлого, проповедовавших сектантскую замкнутость в развитии пролетарской культуры. Они высоко ценили наследство русских революционных демократов, считая их предшественниками русской социал-демократии. В. И. Ленин указывал, что «пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»³.

А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» указывает: «Известно, что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого... наша партия устами Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского...»⁴. Имена великих революционных демократов — Бе-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 412.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 34. Госполитиздат. 1950.

³ В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 406.

⁴ А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 23.

линского, Добролюбова, Герцена, Чернышевского — вошли в историю не только русской, но и всей мировой культуры.

Революционно-демократическая деятельность Н. А. Добролюбова исключительно многогранна. Продолжая славные традиции революционного демократизма своих предшественников, Добролюбов обогатил самые разнообразные отрасли знания: философию, социологию, литературу и искусство. Общественная, политическая и теоретическая деятельность русских революционных демократов прошлого века является опровержением насквозь лживых буржуазных «теорий», игнорирующих, принижающих самостоятельное развитие русского народа по пути прогресса. История борьбы русского народа за свою независимость и самостоятельность подтвердила, какие неиссякаемые силы таятся в этом народе.

Революционные демократы прошлого века страстно хотели видеть Россию во главе передового и прогрессивного человечества, их мечта стала действительностью. Россия превратилась в передовую страну, с передовым государственным строем, строем социализма, с передовой наукой и культурой, воплощающей в себе все, что есть лучшего в истории человеческой культуры и цивилизации. Блестящую характеристику исторической миссии советской литературы дал в 1946 году А. А. Жданов. «...Наша литература, отражающая строй более высокий, чем любой буржуазно-демократический строй, культуру во много раз более высокую, чем буржуазная культура, имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали. Где вы найдете такой народ и такую страну, как у нас? Где вы найдете такие великолепные качества людей, какие проявил наш советский народ в Великой Отечественной войне и какие он каждый день проявляет в трудовых делах, перейдя к мирному развитию и восстановлению хозяйства и культуры! Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны»¹.

Революционные демократы Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов прокладывали новые пути развития науки и культуры. Основные вопросы политической борьбы, социологии, истории, философии, литературы и искусства в их творчестве получили новое освещение применительно к общественной жизни России, применительно к борьбе трудящихся.

На анализе общественно-политической деятельности Н. А. Добролюбова, его творчества в области социологии, философии, этики, эстетики мы показали, что передовые мыслители XIX века шли самостоятельным путем, используя все прогрессивные достижения

---

¹ А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 36

мировой культуры в целях борьбы за освобождение народных масс от порабощения, за развитие подлинно народной науки и культуры.

Современные реакционеры боятся движения народных масс, в своих писаниях они отрицают общественную деятельность людей, стремятся лишить человека воли, целеустремленности к свободе. «Новоявленные философы» типа Сартра, у которых мистицизм сочетается с злобной борьбой против разума, оскверняют человеческое бытие, превращают человека в зверя. В разгуле современной империалистической реакции полностью оправдываются слова Белинского, что «когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант»¹.

В философии, литературе, искусстве современных носителей «культуры» империализма, как в зеркале, отражаются упадок, разложение лагеря реакции. Все передовые борцы за подлинную культуру, демократию, прогресс человечества, вдохновляемые примером СССР — страны самой передовой в мире, социалистической культуры, ведут борьбу против англо-американского империализма, против диктатуры доллара. В этой борьбе против «темного царства» империалистической реакции современные прогрессивные деятели должны использовать идейное наследство русских революционных демократов прошлого века, которые выступали против реакции, за свободное, прогрессивное развитие человечества.

Идейное наследство революционных демократов — Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского — и в современных условиях является примером высокой гуманности, свободолюбия, самоотверженной борьбы за права человечества. Самая передовая в мире социалистическая культура, самая передовая идеология — ленинизм как продолжение марксизма — возникли и развивались на базе обобщения мирового опыта освободительной борьбы, на базе критического усвоения прогрессивного идейного наследия прошлого, в том числе и наследия русских революционных демократов XIX столетия.

Революционные демократы отдали всю свою кипучую энергию, всю свою жизнь на борьбу за великие идеалы человечества, на борьбу против крепостничества. Своей самоотверженной борьбой они создавали почву для осуществления в будущем великих идеалов. Вот почему народы страны социализма и современные передовые деятели других стран свято хранят память о великих борцах за свободу и независимость человечества и используют их идейное наследство в борьбе против рабства, человеконенавистничества, против мистики и мракобесия, против англо-американских поджигателей новой мировой войны.

¹ В. Г. Белинский. Избр. соч., стр. 619. Гослитиздат. 1947.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Общественно-политические взгляды Н. А. Добролюбова	8
Философские взгляды Н. А. Добролюбова	14
Социологические взгляды Н. А. Добролюбова	25
Революционно-демократические основы эстетики Н. А. Добролюбова	34

Редактор М. А. Горбунов

А—01904 Подп. к печ. 10/1 1951 г. Заказ 2552 Объем 3 п. л. Тираж 52.000
Типография Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Москва, ул. Чехова, 6.